

Редакционная коллегия:

И.А. Тарханов — доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, заместитель председателя оргкомитета конференции

А.И. Абдуллин — доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

Г.И. Курдюков — доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

Р.Ш. Давлетгильдеев — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета

М 34 **Материалы международной научно-практической конференции «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященной 90-летию профессора Фельдмана Давида Исааковича (11–12 октября 2012 г., г. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет) — М.: Статут, 2014. — 527 с.**

ISBN 978-5-8354-1015-6 (в обл.)

11–12 октября 2012 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете прошла международная научно-практическая конференция «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященная 90-летию со дня рождения и памяти профессора Казанского университета, основателя Казанской школы международного права Давида Исааковича Фельдмана.

В работе конференции приняли участие видные деятели зарубежной и российской науки международного права, представляющие ведущие учебные и научные центры России. В числе участников конференции были также представители международных организаций и органов государственной власти и управления зарубежных государств.

Материалы конференции посвящены широкому спектру проблем в области международного права, включая проблемы международно-правового признания и правосубъектности, реализации ответственности и применения мер принуждения, а также проблемам истории, методологии, системы международного права и основных тенденций его развития, и могут быть рекомендованы студентам, аспирантам, преподавателям и практическим специалистам, интересующимся вопросами теории международного права и практики его применения.

ББК 67.412

УДК 341

ISBN 978-5-8354-1015-6

© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Статут», редподготовка, оформление, 2014

Международная научно-практическая конференция «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении»

11–12 октября 2012 г. в Казанском (Приволжском) федеральном университете прошла международная научно-практическая конференция «Международный правопорядок в современном мире и роль России в его укреплении», посвященная 90-летию со дня рождения и памяти профессора Давида Исааковича Фельдмана. Организаторами мероприятия выступили Казанский (Приволжский) федеральный университет и Российская ассоциация международного права.

Доктор юридических наук, профессор Давид Исаакович Фельдман руководил кафедрой международного права Казанского государственного университета с 1975 по 1991 г. Заслуженный деятель науки РСФСР (1990), член Советской ассоциации международного права с 1957 г., член Исполкома Советской ассоциации международного права (1974–1991), член редколлегии Советского ежегодника международного права (1968–1986).

Д.И. Фельдман родился 1 октября 1922 г. в Киеве. Умер 14 октября 1994 г., похоронен в Казани. Основные направления его научных исследований: методология, история и теория международного права, правосубъектность и признание в международном праве. Д.И. Фельдманом было опубликовано более 170 научных работ, объемом в 300 п.л. Д.И. Фельдман читал лекции в университетах Иены (ГДР), Варшавы (Польша), Иерусалиме (Израиль), Фрибурге (Швейцария), а также в Гаагской академии международного права (г. Гаага, Нидерланды). Д.И. Фельдман был членом Всемирной ассоциации международного права и заслуженным деятелем науки Республики Татарстан.

Благодаря научной, профессиональной деятельности и организаторским способностям Д.И. Фельдмана была создана признанная отечественными и зарубежными учеными Казанская школа международного права.

В работе международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Д.И. Фельдмана, приняли участие видные деятели российской и зарубежной науки международного права.

11 октября 2012 г. в актовом зале Казанского (Приволжского) федерального университета состоялось пленарное заседание конференции.

С пленарными докладами выступили профессор А.Я. Капустин (президент Российской ассоциации международного права, руководитель Центра сравнительно-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения)

го голосования, следует в рамках общей юридической логики рассматривать как присутствие *opinio juris sive necessitatis*. Высказанная на этот счет концептуальная позиция профессора Л. Сона (L. Sohn)¹ по поводу юридической оценки факта заявленной готовности государств придерживаться принятых на себя обязательств согласно решению Генеральной Ассамблеи ООН именно как присутствие второго (после всеобщей практики) элемента международного обычая (а именно: *opinio juris sive necessitatis*) вполне приемлема с научной точки зрения.

Констатация допустимости рассмотрения решений (резолюций) Генеральной Ассамблеи ООН в аспекте международного обычая не снимает самой проблемы определения надлежащего места решений (резолюций) Генеральной Ассамблеи ООН в общей структуре источников международного права, применяемых Международным судом ООН при разрешении переданным ему споров. И здесь профессор В.К. Гек (W.K. Geck)² совершенно прав, когда говорит о сомнительности рассмотрения решений (резолюций) Генеральной Ассамблеи ООН в рамках понятия п. 1. «с» «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Действительно, общие принципы права, как мы установили, составляют совокупность написанных постулатов должного поведения субъектов права, выработанных по факту позитива национального нормотворчества государств — членов мирового сообщества. Решения (резолюции) Генеральной Ассамблеи ООН (одного из шести главных органов ООН) представляют собой письменный юридический акт и в силу своего качественного юридического содержания сопоставимы с решениями Международного суда ООН — другого из шести главных органов ООН. Решения (резолюции) Генеральной Ассамблеи ООН в порядке их сопоставимости судебным решениям могут применяться Международным судом ООН при решении переданных ему споров в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм (п. 1. «d» ст. 38 Статута Суда).

Применяя по факту своей востребованности весь совокупный источниковый состав международного права (ст. 38 Статута суда), Международный суд ООН решает переданные ему споры между государствами (вне зависимости от их формального деления на правовые и неправовые) и тем самым обозначает свою роль как органа по обеспечению господства права *Rule of Law* в международных отношениях.

Право и справедливость, составляя источниковую базу современного международного права (ст. 38 Статута Международного суда), создают надлежащую основу для окончательного разрешения межгосударственных споров. Принцип запрета *non-liquet*, как известно, предписывает правило, согласно которому Суд как орган правосудия не может отказать вынести решение за отсутствием или неясностью подлежащей применению нормы права. Завершенность проблемы урегулирования международных споров в формате снятия проблемы неурегулированности спорной ситуации и поддержания юридической безопасности государств — членов ООН полностью вписывается в рамки внешнеполитического курса Российской Федерации по содействию поддержания верховенства права в системе современных международных отношений. Перевод спорной ситуации в режим дружественного взаимодействия государств — членов Организации Объединенных Наций выступает

¹ Judicial Settlement of International Disputes. International Court of Justice and Other Courts and Tribunals. Arbitration and Conciliation. An International Symposium. P. 64–65.

² Ibid. P. 65.

в качестве общей цели деятельности России на мировой арене как великой державы, постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций.

Проблемы процессуального механизма уголовного преследования при экстрадиции

М.Е. Клюкова¹

Рост организованной преступности, приобретение ею транснационального характера определяют необходимость тесного взаимодействия государств по розыску, задержанию и выдаче преступников для уголовного преследования или исполнения приговора. Международная практика выдачи послужила основой для принятия государствами специальных законов о выдаче, которые действуют, в частности, в Бельгии, Финляндии, Франции и ряде других стран и которые обуславливают развитие собственного уголовно-процессуального законодательства с целью наиболее полного отражения и защиты в них национальных интересов. В УПК РФ выдаче посвящена специальная гл. 54, наличие которой тем не менее не снимает проблему принятия федерального закона о выдаче, в котором должны быть закреплены все процедуры, связанные с экстрадицией лица иностранному государству, а также принятием из другой страны выданного лица с учетом международных договоренностей и особенностями национального законодательства. Вопросы уголовного преследования выданного лица, имеют особое значение для практики экстрадиции и связаны прежде всего с объемом уголовной репрессии, применяемой к экстрадированному лицу. Как показывает анализ международно-правовых актов, единственным основанием выдачи выступает совершение иностранным гражданином или лицом без гражданства экстрадиционного, т.е. влекущего выдачу, преступления. При этом уголовное преследование осуществляется в тех пределах, которые определены запросом об экстрадиции. Вместе с тем экстрадированным лицом могут быть совершены преступления, о которых не было известно во время его выдачи, либо преступление данным лицом было совершено после его выдачи.

Одним из основных принципов экстрадиции является так называемое правило конкретности (специализации), выражающееся в том, что не допускается осуществление уголовного преследования за деяние, которое не было предусмотрено в запросе о выдаче. Выход за пределы экстрадиционного запроса возможен лишь при согласии выдавшей преступника стороны. Не случайно принцип специализации получил соответствующее юридическое закрепление в многочисленных международных актах и договорах, посвященных вопросам экстрадиции.

Так, согласно ст. 14 Европейской конвенции об экстрадиции (Страсбург, от 13 декабря 1957 г.) «лицо, которое было выдано, не подвергается уголовному

¹ Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета.

преследованию, не может быть приговоренным или задержанным в целях исполнения приговора или постановления о задержании за любое преступление, совершенное до его передачи, кроме преступления, в связи с которым оно было выдано, и его личная свобода ни по каким иным причинам не ограничивается».

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) установила, что без согласия запрашиваемой Договаривающейся стороны выданное лицо нельзя привлечь к уголовной ответственности за совершенное до его выдачи преступление, за которое оно не было выдано (ч. 1 ст. 66). Аналогичное правило предусмотрено и договором о выдаче между Российской Федерацией и Республикой Индией от 21 декабря 1998 г., в ст. 11 которого записано, что «без согласия запрашиваемой Стороны выданное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности или подвергнуто наказанию в запрашивающей Стороне за совершение правонарушения иного, чем за которое оно было выдано, а также любого менее значительного правонарушения, раскрытого на основании доказательств, представленных в обоснование его выдачи». Подобная практика характерна и для других стран.

В УПК РФ данное положение нашло закрепление в ст. 461, в соответствии с которой лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче. Иными словами, следственные и судебные органы государства, запросившего выдачу лица, связаны тем объемом обвинения, которое служило основанием для экстрадиции. Поэтому, как представляется, уголовное преследование подлежит прекращению в части тех преступлений, которые были ему вменены после выдачи иностранным государством и не были указаны в запросе, и если при этом не было получено соответствующее согласие от государства, его выдавшего. Такой же правовой позиции придерживается и Верховный Суд РФ, который разъяснил, что экстрадированный без согласия выдавшего его государства по общему правилу не может подвергаться уголовному преследованию по обвинению в том, что находится за рамками запроса о выдаче, и не тем государством, которое лицо выдало, а другим¹. Иными словами, в сфере рассматриваемых правоотношений также действует принцип недопустимости поворота к худшему, в силу которого обвинение, содержащееся в запросе, без согласия выдавшего государства не может быть изменено в отягчающую сторону. Так, в него не могут быть включены не содержащиеся в запросе квалифицирующие признаки, к примеру, «сопряженное с разбоем (убийством)», и т.д.²

Таким образом, объем уголовного преследования выданного лица определяется прежде всего лишь теми преступлениями, которые составили предмет экстрадиционного запроса.

Выход за пределы уголовного преследования, обозначенные запросом о выдаче, возможен при наличии ряда условий, а именно: 1) лицо, которое было выдано, может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче, ес-

ли сторона, передавшая его, дает согласие на это; 2) когда данное лицо, имея возможность покинуть территорию стороны, которой оно было передано, не сделало этого в течение определенного времени после своего окончательного освобождения. Так, согласно Конвенции о правовой помощи СНГ данный срок составляет 45 дней (ст. 80), согласно УПК РФ — 44 дня (п. 1 ч. 1 ст. 461); 3) если выданное лицо добровольно вернулось на территорию стороны, которой было передано, после того, как покинуло ее; 4) если преступление совершено указанным лицом после его выдачи.

В УПК РФ отдельно сформулированы условия как для направления запроса о выдаче лица для осуществления уголовного преследования, так и для его исполнения. Так, в соответствии со ст. 460 УПК РФ направление запроса о выдаче лица, находящегося на территории иностранного государства, возможно в следующих случаях.

1. Прежде всего деяние, в связи с которым направлен запрос о выдаче, является уголовно наказуемым. Правонарушения, которые влекут за собой гражданскую или административную ответственность, не могут служить основанием экстрадиционного запроса.

2. Выдача возможна, если за совершение деяния предусматривается наказание в виде лишения свободы на срок не менее одного года или более тяжкое наказание. Вместе с тем стороны могут конкретизировать данное правило. Так, согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г. «если запрос о выдаче включает несколько деяний, наказуемых в соответствии с законодательством обеих Сторон, но некоторые из них не отвечают условию, указанному в п. 1 настоящей статьи (т.е. предусмотренное за них наказание менее одного года или более мягкое. — М.К.), запрашиваемая сторона может по своему усмотрению осуществить выдачу также в связи с этим деянием» (п. 2). Представляется, что данное правило надлежит внести в соответствующую норму УПК РФ.

3. Лица, выдача которых требуется, должны обвиняться в совершении преступления, уголовно-наказуемого в соответствии с законодательством обоих государств. Речь идет об одном из основополагающих принципов экстрадиции — правиле двойной криминальности (ч. 1 ст. 2 Европейской конвенции о выдаче 1957 г.). Оно соблюдается и в случаях, когда преступление, по поводу которого запрошена выдача, не относится законодательствами обоих государств к аналогичным категориям преступлений или когда оно не обозначается тождественным термином (названия преступлений не совпадают), либо отмечается различие его составных элементов, например, в диспозиции уголовно-правовой нормы указываются различные способы его совершения или иные квалифицирующие признаки (мотив, цель, форма соучастия и т.д.)¹. Следовательно, при решении вопроса о выдаче требуется принимать во внимание всю совокупность действий или бездействия, приведенных запрашиваемым государством при характеристике преступлений, за совершение которых запрошена экстрадиция. При этом экстрадиционное преступление будет отвечать требованию двойной криминальности, когда оно предусмотрено законодательством обоих государств как таковое, т.е. совпадает по смыслу диспо-

¹ Бюллетень ВС РФ. 2005. № 12. С. 9.

² Бюллетень ВС РФ. 2005. № 5. С. 9–10.

¹ Лукашук И.И., Наумов А.В. Выдача обвиняемых и осужденных в международном уголовном праве: Учеб.-практ. пособ. / Ин-т гос. и права РАН. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 58.

зиции основной уголовно-правовой нормы с возможностью вариации отдельных его факультативных элементов. Так, согласно Договору между Российской Федерацией и Республикой Ангола о выдаче от 31 октября 2006 г. различие в юридической терминологии не препятствует исполнению запроса о выдаче, если деяние, в связи с которым поступил запрос, является уголовным правонарушением по законодательству обеих сторон (ч. 5 ст. 4). В соответствии с Договором между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о выдаче от 26 июня 1995 г. «при решении вопроса о выдаче и определении того, является ли какое-либо деяние преступлением по законодательству обеих договаривающихся сторон, не имеет значения его юридическая квалификация и терминологическое обозначение» (ч. 3 ст. 2).

Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 14 июня 2012 г. № 11 «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» разъяснил, что несовпадение в описании отдельных признаков состава преступления, в совершении которого обвиняется лицо, либо в юридической квалификации деяния не является основанием для отказа в выдаче, поскольку оцениваться должны фактические обстоятельства имевшего место деяния и его наказуемость по законам обоих государств. В случае же, когда другая часть статьи УК РФ (иностранного государства) содержит описание фактически другого преступления, то, несмотря на тождественность статей двух государств, указанное правило соблюдено не будет. Данное мнение разделяется и рядом авторов¹.

Судебная практика идет таким же путем. В решениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ неоднократно подчеркивалось, что ст. 462 УПК РФ регламентирует исполнение запроса о выдаче лица, находящегося на территории России, и не содержит формулировку о таком соответствии уголовного закона иностранного государства уголовному закону России, а также требований о необходимости указывать квалифицирующие признаки преступления. Признаки того или иного преступления могут не совпадать. Важно, что конкретное преступление преследуется как в иностранном государстве, так и в России и наказывается лишением свободы на срок не менее одного года².

4. Одним из условий направления данного запроса является приложение в виде копии постановления судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу.

Исполнение же запроса о выдаче для уголовного преследования лица, находящегося на территории РФ, законодатель связал с соблюдением следующих условий: 1) если уголовный закон предусматривает за совершение этих деяний наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание; 2) когда иностранное государство, направившее запрос, может гарантировать, что лицо, в отношении которого направлен запрос о выдаче, будет преследоваться только за преступление, которое указано в запросе, и после окончания судебного разбирательства и отбывания наказания сможет свободно покинуть территорию дан-

ного государства, а также не будет выслано, передано либо выдано третьему государству без согласия Российской Федерации.

Непосредственно с осуществлением выдачи лица для уголовного преследования связан вопрос об избрании и применении в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу. Механизм избрания и применения меры пресечения в отношении лица, подлежащего выдаче, зависит от различных процессуальных ситуаций, сложившихся на момент выдачи лица для уголовного преследования.

Так, если от иностранного государства получен запрос о выдаче лица и при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, то в соответствии с ч. 1 ст. 466 УПК РФ прокурор в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в соответствии с правилами, предусмотренными УПК РФ. По смыслу данной нормы должен применяться порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу в соответствии со ст. 108 УПК РФ. Следует отметить, что законодатель в данном случае не конкретизирует избираемую в отношении экстрадируемого лица меру пресечения, предоставляя право прокурору при получении от иностранного государства запроса о выдаче и отсутствии решения судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу избрать любую меру пресечения в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом РФ. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 июня 2012 г. «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания» Суд разъяснил, что при разрешении вопроса об избрании (продлении) меры пресечения в виде заключения под стражу суду необходимо рассмотреть возможность избрания иной меры пресечения, которая должна быть достаточной для обеспечения возможной выдачи лица (п. 16). При этом он подчеркнул, что невозможность избрания (продления) в отношении лица иной меры пресечения следует обосновать в постановлении об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу либо в постановлении о продлении срока указанной меры пресечения (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). И как отмечается в данном Постановлении, не могут служить основанием для избрания или продления в отношении лица меры пресечения в виде заключения под стражу такие, в частности, обстоятельства, как сложность уголовного дела, расследуемого в запрашивающем государстве; отсутствие сведений о наличии трудовой деятельности такого лица; длительная проверка законности и обоснованности выдачи; привлечение лица к административной ответственности; отсутствие оснований для отказа в выдаче; возможное обжалование решения о выдаче; длительное рассмотрение компетентными органами ходатайства о предоставлении лицу статуса беженца, временного или политического убежища; истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности или исполнения приговора согласно законодательству РФ.

Если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор согласно ч. 2 ст. 466 УПК РФ вправе избрать в отношении этого лица меру пресечения в виде домашнего ареста или заключения под стражу без подтверждения указанного решения судом РФ. Основанием для этого является принятое в установленном порядке ком-

¹ Кубов Р.Х. Проблемы экстрадиции в государствах – участниках СНГ // Российский следователь. 2008. № 20. С. 38–39.

² Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 5 сентября 2007 г. № 365-П07ПР // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 1. С. 30.

петентными органами зарубежного государства решение о заключении данного лица под стражу.

К сожалению, УПК РФ не регламентирует порядок избрания меры пресечения в случае, когда запрос о выдаче от иностранного государства еще не поступил. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, которые он дал в п. 18 постановления «О практике рассмотрения судами вопросов, связанных с выдачей лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, а также передачей лиц для отбывания наказания», до получения запроса о выдаче мера пресечения, в том числе в виде заключения под стражу, может быть избрана судом только в случаях, непосредственно предусмотренных международным договором Российской Федерации. При рассмотрении ходатайства прокурора о заключении лица под стражу до получения запроса о выдаче суд должен убедиться в наличии просьбы о временном задержании, отвечающей требованиям, которые определены в ст. 16 Европейской конвенции о выдаче, если запрашивающее государство является участником указанного международного договора; ходатайства о взятии под стражу, которое содержит информацию, предусмотренную в ст. 61 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г., если запрашивающее государство является участником данного международного договора; поручения об осуществлении розыска, составленного согласно ст. 61(1) Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, если запрашивающее государство является участником Протокола от 28 марта 1997 г. к этой Конвенции; других документов, необходимых для заключения лица под стражу либо применения к нему иных мер пресечения до получения запроса о выдаче в соответствии с подлежащими применению международными договорами Российской Федерации. Представляется, что данные правила должны быть закреплены в нормах УПК РФ, посвященных экстрадиции.

В связи с вышесказанным ст. 97 УПК РФ целесообразно дополнить новым основанием, позволяющим избрать меру пресечения, а именно в целях обеспечения возможности выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ (по запросу иностранного государства). Наряду с этим редакция данной нормы требует уточнения в виде указания, что данное право принадлежит именно прокурору, так как в ч. 1 ст. 97 УПК РФ среди субъектов, которые уполномочены избрать меру пресечения, он не назван. Данное новое полномочие прокурора также должно найти отражение в ч. 2 ст. 37 УПК РФ, закрепляющей правовой статус прокурора в досудебном производстве.

Статью 108 УПК РФ, в соответствии с которой мера пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого или обвиняемого применяется по судебному решению, вынесенному в порядке, предусмотренном УПК РФ, также необходимо дополнить указанием на то, что лицо, подлежащее выдаче, может быть заключено под стражу при наличии запроса о выдаче и решения судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу. Аналогичные изменения должна претерпеть ст. 107 УПК РФ, регламентирующая основания и порядок избрания меры пресечения в виде домашнего ареста.

Следует напомнить, что в соответствии с ч. 1 ст. 108 УПК РФ заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отно-

шении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет. Одним же из условий выдачи лица, как рассматривалось выше, является совершение им деяний, за которые уголовный закон предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок свыше одного года или более тяжкое наказание. В связи с этим в ч. 1 ст. 108 УПК РФ представляется возможным среди исключительных ситуаций, позволяющих избрать меру пресечения в виде заключения под стражу при совершении преступления, за которое предусмотрено наказание и до двух лет лишения свободы, назвать случай выдачи лица по запросу иностранного государства.

В настоящее время Российская Федерация обладает достаточным опытом по осуществлению выдачи. Тем не менее процедура ее осуществления затруднена несовершенством соответствующего национального законодательства, а также проблемами применения международных и отечественных норм, которые посвящены экстрадиции и которые требуют своего дальнейшего совершенствования.

Некоторые аспекты защиты прав обучающихся

Е.В. Кобчикова¹

Договор об оказании платных образовательных услуг – это возмездный договор, в силу которого образовательное учреждение оказывает услугу по обучению гражданину-потребителю (обучающемуся) в приобретении навыков и знаний. На рассматриваемые отношения распространяется Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей».

Вместе с тем, поскольку указанный договор по своему характеру не может в полной мере подпадать под действие гл. III Закона о защите прав потребителей, то в силу ст. 39 названного Закона он будет распространяться на отношения, вытекающие из договора, в части общих правил (о праве граждан на предоставление информации, о компенсации морального вреда, об альтернативной подсудности и освобождении от уплаты государственной пошлины), а правовые последствия нарушений условий этого договора будут определяться самим договором, который не должен противоречить положениям ГК РФ.

Аналогичную позицию заняло и Министерство РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства (существовавшее на то время) в решении коллегии от 24 ноября 1999 г. «О соблюдении законодательства о защите прав потребителей при оказании платных образовательных услуг».

Кроме того, в постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-сибирского округа от 23 июля 2010 г. № А19–992/10 было указано, что к договору

¹ Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Казанского (Приволжского) федерального университета.